

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ В УСЛОВИЯХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА НАЦИОНАЛЬНОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Дается оценка сегодняшнему состоянию высшей школы России. С применением методологических моделей Фурмана и Сорокина доказывается, что высшее образование в России переживает институциональный кризис, определяются его глубина и основные характеристики. Как показывает проведенный анализ, кризисные явления не достигают своего апогея, но заключаются в перераспределении привычных институциональных функций университетов. Кризис дифференцирует вузы России, выделяя среди них несколько эталонных групп, организационные изменения в которых можно рассматривать в качестве ориентиров развития для всей национальной высшей школы.

Ключевые слова: университет, институциональный кризис высшего образования, эффективность высшей школы, развитие российских университетов, организационные изменения.

E. Strogetskaia

The development of Russian universities in the context of National High School institutional crisis

The current state of higher education in Russia is estimated. With the use of methodological models by M. Furman and P. Sorokin it's proved that the higher education in contemporary Russia is experiencing institutional crisis, its depth and main characteristics are defined. As our analysis reveals, the crisis has not reached its peak, but is manifested in the redistribution of the usual institutional functions of universities. Crisis differentiates universities in Russia, highlighting among them several reference groups, organizational changes in which can be regarded as guidelines for the development of the national higher education.

Key words: university, institutional crisis of higher education, the effectiveness of the higher school, the development of Russian universities, organizational changes.

Проблема развития университетов уже долгое время сохраняет актуальность для всего мирового сообщества. Крайне остро она звучит и в современной России.

Перманентное реформирование системы высшего образования в мире длится уже более полувека. Тем парадоксальнее выглядит тот факт, что нынешнее состояние этой сферы по-прежнему квалифицируются как кризисное [7, 11]. Большинство исследователей, выражая неудовлетворенность реформами высшей школы и сомнения по поводу возможностей классических моделей университета справиться с современными вызовами, призывают переосмыслить его место и роль и предлагают широкое разнообразие современных модификаций университетского устройства: от регионального до глобального, от предпринимательского до неолиберального и т. д. Однако есть и ряд радикально настроенных авторов, которые настаивают на том, что за 900 лет своей истории университет устарел настолько, что с его привычными функциями легко могут

справиться другие организации, и, следовательно, существование этой институции достигло своих пределов [14]. Чем чаще звучит мысль о необходимости поиска новой университетской идентичности и чем больше предлагаемых моделей на практике преобразуются в классические варианты и по-прежнему вызывают критику общества, тем острее встает вопрос о возможностях самого развития университета, если под развитием понимать изменения, совершенствующие тот же объект, но не приводящие к появлению качественно иного объекта, выполняющего те же функции.

Предлагаемое исследование сосредоточивает свое внимание на современных государственных университетах России, поскольку, во-первых, сегодня в России государственные вузы составляют примерно две трети всех образовательных учреждений, а во-вторых, мировые эксперты в области высшего образования связывают развитие этой сферы именно с национальными сетями государственных университетов [5, с. 74]. Отправной гипотезой исследования является предположение

о том, что российское высшее образование переживает институциональный кризис, от глубины которого зависит возможность дальнейшего развития университетов или ее отсутствие.

Для подтверждения этой гипотезы обратимся к двум методологическим моделям институционального кризиса:

- модели «кризиса института образования» Манфреда Фурмана;
- модели институционального кризиса Питирима Сорокина.

Профессор Гейдельбергской академии наук М. Фурман является основоположником теории организации образования. Он выделяет признаки институционального кризиса университетов, анализируя ситуацию германских вузов в период, предшествовавший их переходу к гумбольдтовской модели [15, с. 35]. Наиболее ярким кризисным показателем, по мнению германского ученого, является закрытие более половины (23 из 42) высших школ Германии в период с 1792 по 1818 г. из-за отсутствия поступающих в них абитуриентов [8]. Фурман настаивает на том, что этому факту предшествовал ряд изменений, явно указывавших на нарастание кризисной ситуации. К признакам институционального кризиса высшей школы исследователь относит:

- слабую подготовку и мотивацию студентов к обучению;
- архаичность форм передачи знания;
- слабость и малое количество научных исследований в университетах;
- пренебрежение профессоров своими университетскими обязанностями в пользу поисков дополнительных заработков;
- возрастающий утилитаризм университетского образования;
- резкое снижение университетской автономии [15, с. 35].

Проявление названных признаков можно обнаружить в сегодняшней российской высшей школе. Так, эксперты отмечают, что высшую и среднюю школу давно захлестнула ориентация на троечника и даже в большей степени на двоечника, которая привела к значительному снижению требований к учащимся и, как следствие, к общему падению уровня подготовки. Сегодня эту тенденцию усугубляет зависимость благоприятной оценки деятельности вузов от численных измерений контингента учащихся. Проще говоря, чем меньше студентов будет отчислено вузом, тем выше вероятность его положительной оценки, которая, в свою очередь, влияет на его жизнеспособность.

Слабая мотивация к обучению выявляется уже на стадии выбора вуза. Характерными в этом отношении являются результаты исследования изменений в технических вузах России, проведенного социологами Высшей школы экономики. Только треть опрошенных выпускников выбрали для обучения вуз, который заканчивают, поскольку там была интересующая их специальность. Еще примерно треть выбрали вуз из-за его престижности. На основании этого результата исследователи делают вывод о том, что исходная ориентация будущих студентов не способствует их заинтересованности в обучении [13, с. 182].

Г. Константинов и С. Филонович среди проблем современного высшего образования отмечали снижение мотивации к созданию нового знания в среде молодежи и увлечение поиском информации в Интернете. Одновременно с этими тенденциями появляется чувство интеллектуального бессилия и ощущение, что все необходимое знание уже существует [6]. Слабая подготовка и незаинтересованность приводят к тому, что среди студентов растет число не умеющих и не желающих учиться, нацеленных на приобретение статуса.

Результаты упоминавшегося исследования технических вузов России интересны еще и с точки зрения оценки форм передачи знаний, используемых в современных университетах. Необходимо отметить, что вузы технического профиля в данном вопросе весьма показательны, поскольку непосредственно связаны с рынком труда высокотехнологичных отраслей экономики, следовательно, имеют больше возможностей для развития. Такое положение вещей подтверждается более высокими успехами технических вузов в государственных конкурсах по выявлению инновационных и исследовательских университетов. Казалось бы, вуз, носящий звание инновационного, в первую очередь должен использовать инновации в образовательном процессе. Тем не менее аналитики указывают на недостаточное развитие компетенций, требуемых современным работодателем, и причину видят в устаревших практиках обучения [13, с. 178–179].

В качестве еще одной причины своей неудовлетворенности работодатели называют малый научно-практический опыт студентов, что, в свою очередь, косвенно указывает на слабости вузовской науки. Сегодня 93 % вузов России проводят студенческие конкурсы научно-исследовательских работ. Вместе с тем значительная доля студентов не участвует в научной работе. В технических национально-исследовательских

университетах только около 1 % обучающихся участвуют в научных проектах с оплатой [2]. Интересно, что сами студенты, раскрывая причины своего нежелания участвовать в научных исследованиях вузов, называют их несвоевременность, особенно в части технического оснащения. Сопоставление научной деятельности Академии наук и вузовских достижений также указывает на отставание последних [9].

Падение мотивации к обучению и научной деятельности у студентов и отставание вузовской науки приводят к тому, что восприятие высшего образования как передачи традиций продуцирования нового знания ослабевает. На смену этому образу в общественное сознание приходит и укрепляется представление об образовании как сегменте сферы услуг. Пользуясь термином Дж. Ритцера, можно сказать, что происходит «макдонализация» образования. Образовательная услуга, как и само знание, оцениваются в параметрах полезности для потребителя, возрастает утилитаризм высшего образования.

Растущая зависимость от потребителя усугубляет проблему утраты университетом и другой его институциональной черты – автономии. Как уже отмечалось, российским реформам высшей школы более четверти века, и все они навязаны вузам извне. События же последних пяти лет в жизни отечественных университетов, особенно нашедшая проверка их эффективности осенью 2012 г., окончательно продемонстрировали подчиненность вузов государству. В период с 2007 по 2012 г. судьбы некоторых вузов, казалось, целиком зависели от властного произвола, поскольку имела место ничем необоснованная смертность университетов.

Как отмечалось выше, тенденция закрытия организаций, реализующих те или иные институциональные отношения, может указывать на кризис соответствующего института. Этот факт усиливает правомерность вывода о том, что применение модели Фурмана дает основания констатировать наличие институционального кризиса современного высшего образования в России. Вместе с тем трудно не обратить внимание на то, что смертность отечественных вузов во многом «искусственная». Именно властное решение, а не естественный отказ от вузов общества, выражающийся прежде всего в отсутствии абитуриентов, становился причиной прекращения работы учебных учреждений. Для объяснения данного противоречия обратимся к модели институционального кризиса П. Сорокина.

Причинами выбора этой модели являются ее исключительность, а также возможность с ее

помощью оценить глубину кризиса. Без сомнения, модель Сорокина является единственной в своем роде социологической моделью, детально разрабатывающей понятие «институциональный кризис». Кроме того, она позволяет оценить, стоит ли институт на грани появления новых реализующих его форм, или кризис еще не достиг этого уровня, а следовательно, у существующих институциональных форм не исчерпаны возможности для развития.

К признакам институционального кризиса, по П. Сорокину, следует отнести:

- неэффективность института как подсистемы общества;
- непривлекательность институциональных ролей для индивидов;
- отказ индивидов реализовывать свои цели посредством данного института [12].

Под эффективностью социального института можно понимать как наиболее продуктивное выполнение им своей канонической роли в обществе (вне зависимости от мнения этого общества относительно результатов выполнения), так и наиболее полное достижение потребностей и целей членов общества посредством института. Во втором случае эффективность будет тесно связана с удовлетворенностью групп и индивидов. Остановившись на последней трактовке, оценим уровни удовлетворенности следующих субъектов: государства, работодателей, университетского сообщества, учащихся и их семей.

Современное российское государство прежде всего усматривает в эффективности вузов ее экономическую составляющую и соизмеряет вложенные средства с результатами. Отсюда непопулярное решение о сокращении числа государственных вузов и неуклонное проведение его в жизнь, несмотря на сопротивление академического сообщества. Центральными основаниями для этого решения являются именно экономические обстоятельства – невозможность финансово обеспечить существующее количество вузов [1]. Если величина финансовых вложений в высшее образование измерима, то оценка его результатов характеризуется высокой неопределенностью, о чем говорит острая дискуссия, развернувшаяся относительно показателей, использовавшихся в 2012 г. для государственного мониторинга эффективности вузов России. Тем не менее государство явно настаивает на определении деятельности вузов как недостаточно результативной и тем самым демонстрирует свою неудовлетворенность работой высшей школы. Свидетельством тому являются, во-первых, уже

упомянутый мониторинг, в результате которого были выделены «неэффективные» вузы и принято решение о регулярности проведения такой процедуры; во-вторых, постоянное инициирование трансформационных проектов; и, наконец, законотворческая деятельность¹.

Сегодняшний уровень удовлетворенности работой высшей школы у работодателей обусловлен прежде всего оценкой выпускников. Здесь также можно наблюдать явное недовольство. Сегодня предприятия нанимают выпускников вузов реже, чем 4–5 лет назад. Наблюдается общая тенденция к снижению интенсивности сотрудничества работодателей с учреждениями системы профессионального образования. Выступая на Санкт-Петербургском экономическом форуме в 2011 г., ректор ВШЭ Я. Кузьминов указал на то, что за пять лет, с 2005 по 2010 г., доля российских работодателей, имеющих постоянные отношения вплоть до организации практик с вузами, лицеями, профучилищами, сократилась с 70 до 40 % [10]. Одной из главных причин этой тенденции является недовольство качеством профессиональной подготовки [3, с. 186–189].

Оценка эффективности высшей школы университетским сообществом в значительной степени определяется удовлетворенностью профессорско-преподавательского состава собственной работой. Как показывают российские исследования, преподаватели вузов в целом удовлетворены своим трудом [13, с. 172]. Однако чаще всего речь в таких исследованиях идет о прямых оценках преподавателей. В то же время косвенные показатели дают другую картину. Прежде всего, таким косвенным показателем является динамика вузовских кадров. Анализ ее тенденций в последние годы обращает внимание на растущий кадровый дефицит на фоне естественного убывания ППС [3, с. 185]. Резкое обострение проблемы старения кадров, произошедшее за период реформирования вузов, говорит, во-первых, о неудовлетворенности еще одного заинтересованного субъекта – потенциальных преподавателей, а во-вторых, о падении привлекательности одной из базовых институциональных ролей – роли преподавателя.

Что можно сказать о другой базовой институциональной роли – роли студента, а также об эффективности образовательной системы в прямых и косвенных оценках абитуриентов и их семей? Отвечая на эти вопросы, важно отметить, что фактическое уменьшение числа поступающих в вузы действительно наблюдается,

но оно связано скорее с мощным демографическим спадом, чем с утратой интереса населения к высшему образованию. По данным статистики [3, с. 173–176], престиж высшего образования у населения по-прежнему высок; для удовлетворения своих потребностей, связанных с высшим образованием, люди не обращаются к другим социальным институтам. Например, в сегодняшней России активно развиваются практики семейного среднего образования, но отсутствуют попытки легитимации «семейных» вузов; выпускники школ предпочитают сначала поступить в вуз, а затем искать работу, а не наоборот, и т. д.

Если анализировать, отказываются ли от реализации своих целей посредством высшей школы другие перечисленные субъекты, то обнаруживается следующее. Российское государство при всем своем недовольстве государственными вузами для осуществления инновационного развития экономики или получения квалифицированных кадров для нее обращается именно к этим учебным учреждениям. В этих целях проводятся многочисленные административно инициируемые конкурсы и проекты, до участия и победы в которых допускаются вполне определенные государственные университеты. Кроме Открытого университета Сколково трудно назвать новые организационные формы высшего образования, созданные государством. Даже федеральные университеты представляют собой слияние давно существовавших вузов и ссузов.

Российский бизнес пока заметно отстает от мирового в создании корпоративных университетов. Сейчас число таких корпоративных учебных учреждений в России приближается к ста, в то время как, например, в Северной Америке их более 2500. Вместе с тем сотрудничество с известными государственными вузами страны поддерживает как крупный, так и средний бизнес. Например, компания «Газпром» в своей программе инновационного развития до 2020 г. определила девять так называемых «опорных» вузов². Все они являются государственными университетами. Многие имеют постоянных партнеров среди промышленных предприятий. Так, постоянными партнерами ведущих технических вузов Санкт-Петербурга являются ФГУП НИИ «Вектор», ОАО «Авангард», АО «Концерн «ЦНИИ «Электроприбор» и др. Все это лишний раз доказывает, что российский бизнес не готов ориентироваться на какие-либо новые организационные формы высшего образования.

¹ <http://kremlin.ru/acts/7675>

² <http://www.gazprom.ru/careers/education/>

Самым критичным из перечисленных ранее субъектов является молодежь – потенциальные преподаватели. Для реализации своих карьерных потребностей они, скорее, не склонны выбирать российскую высшую школу. Тем не менее в ходе интервью с выпускниками вузов, ориентированных на работу за рубежом, можно услышать, что они готовы преподавать в иностранных университетах. Кроме того, проведенный в 2007 г. анализ возрастной структуры российских вузов показал, что на общем негативном фоне есть единичные вузы с благоприятными показателями возрастной динамики [4, с. 121–134]. К числу таких вузов относятся ведущие классические и финансово-экономические университеты. По этим косвенным свидетельствам можно предположить, что у молодых людей – потенциальных преподавателей отторжение вызывает не само содержание роли преподавателя, а условия ее выполнения: размер заработной платы, статика карьеры в сравнении с бизнесом и т. д.

Проведенный анализ показывает, что ни один из признаков институционального кризиса высшего образования по модели Сорокина не проявляется абсолютно, хотя каждый имеет место.

В результате применения двух аналитических моделей институционального кризиса отправная гипотеза исследования подтвердилась. Вместе с тем очевидно, что кризисные явления не достигают своего апогея в виде полного вырождения социального института. Для достижения своих целей и удовлетворения своих интересов общество по-прежнему обращается к институту высшего образования и к его привычным организационным формам, в частности к университетам. Исходя из положений Сорокина [12], можно утверждать, что современный кризис российской высшей школы находится на стадии перераспределения привычных институциональных функций, которое, в свою очередь, порождено изменениями в иерархии ценностей и в составе общественных потребностей, связанных со сферой высшего образования. Так, раньше основной функцией считалась образовательная, связанная с удовлетворением потребности в познании. Однако теперь, как явствует из опросов, большая часть поступающих в вузы при этом стремятся удовлетворить потребность в получении социального статуса, что, в свою очередь, обуславливает главенство функции социальной мобильности. Если раньше потребность работодателей и государственный заказ предполагали подготовку высококвалифицированного инженера-конструктора, т. е. создателя нового, то теперь внешний

заказ часто сосредоточен в области инновационного сервиса, но не конструирования и т. д.

Университеты адаптируются к новым общественным требованиям в ходе разного рода изменений. Так, для обеспечения высокого социального статуса своего выпускника вузы вводят в педагогические практики преподавание востребованных («модных») дисциплин, составляющих подготовку по популярным ныне профессиональным направлениям; а в практики менеджмента – активное использование технологий формирования имиджа и укрепления репутации. Для развития функции инновационного сервиса в структурах вузов появляются научно-технологические подразделения полного цикла и т. д. Вектор и результативность изменений в условиях кризиса, вызванного перераспределением социальных функций высшей школы, зависят от иерархии функциональных притязаний конкретного учебного заведения, значения соответствующих потребностей у целевых групп общественности, а также от возможностей вуза внедрить наиболее успешные практики удовлетворения актуальных потребностей общества или сформировать ту или иную «утраченную» потребность.

Уровень адаптации к перераспределенной системе функций ранжирует вузы, обнаруживая как те из них, которые не могут удовлетворить доминирующие потребности общества и находятся под серьезной угрозой прекращения автономной работы, так и те, на которые падает выбор нескольких общественных групп в реализации своих интересов. Высокие согласованные оценки разных сторон деятельности некоторых университетов превращают их в лидирующую, эталонную группу. Условно эту группу можно назвать «признанными» университетами. Наряду с ними появляется еще несколько интересных категорий:

1) университеты – «скрытые» лидеры, сохраняющие высокий конкурс среди поступающих и поддерживающие устойчивый интерес у работодателей, но не рассматриваемые государством в роли ведущих вузов;

2) университеты-аутсайдеры, востребованные у абитуриентов и их семей, но сформировавшие у государства и работодателей негативное или индифферентное отношение к себе;

3) поглощенные университеты, не преодолевшие институциональный кризис и утратившие свою самостоятельность.

Факт появления признанной группы университетов в России в условиях кризиса подтверждает закономерности общей логики исторического

развития высшей школы. Университет, наряду с государством и церковью, является одной из самых долговечных институций человеческого общества. По меткому выражению Э. Дюркгейма, университет обладает способностью «изворачиваться и приспосабливаться к различным обстоятельствам и условиям». Это, в свою очередь, дает основание полагать, что возможность для развития российской национальной системы высшего образования в ее привычной университетской форме, безусловно, существует. Вместе с тем ситуативность изменений, а также разнородность требований, предъявляемых к университетам обществом, и многосторонность деятельности вузов затрудняют определение универсальных ориентиров развития. Чтобы уточнить их, необходимо сконцентрировать внимание на ключевых направлениях изменений и для этого вновь обратиться к характеристикам институционального кризиса.

Институциональный кризис современной высшей школы России с точки зрения лежащих в его основе противоречий можно охарактеризовать следующим образом. С одной стороны, противоречия наблюдаются в ментально-поведенческой составляющей института. На фоне перераспределения в иерархии ценностей и мотивов субъектов высшего образования, а также доминирования новых практик поведения существенных изменений в ролевой структуре образовательных систем не наблюдается (или они происходят крайне медленно). Например, хотя статус преподавателя заметно понизился, но соответствующая роль по-прежнему востребована. В то же самое время роль тьютора, столь необходимая для осуществления новой образовательной практики – формирования индивидуальной образовательной траектории в соответствии с активно насаждаемыми образовательными ценностями глобализма полидисциплинарности, отсутствует в подавляющем большинстве российских университетов. С другой стороны, кризис затрагивает организационно-нормативную реализацию института. Нормативная составляющая пополняется новыми законодательными актами и нормативными документами (вплоть до нового закона об образовании), официальными статутами вузов и принятыми на государственном уровне структурными эталонами их устройства и т. д. При этом, несмотря на угрозу «смертности», многие российские вузы продолжают существовать, незначительно трансформируя свою структуру, в особенности ее административно-управленческую составляющую. Таким

образом, базовые институциональные противоречия в современной высшей школе России связаны с тем, что формально-организационное устройство института высшего образования неадекватно новым ценностям, целям и мотивам образовательной деятельности. Можно утверждать, что связь между институтом высшего образования и организационным устройством вузов имеет двусторонний характер. С одной стороны, институциональные установления формируют организационное устройство университетов. С другой – организационные принципы и модели взаимодействия оказывают влияние на динамику института высшего образования. Устаревание организационного устройства тормозит институциональное развитие высшей школы, создавая предпосылки для кризиса. Следовательно, решая вопрос об ориентирах изменений в вузах современной России, особое внимание следует уделять организационной динамике в университетах, наиболее продуктивно преодолевающих кризис. Это категории признанных университетов и университетов – «скрытых» лидеров.

В завершение хотелось бы отметить ряд ключевых выводов исследования. На фоне полученных доказательств институционального кризиса современной российской высшей школы очевидно, что своего пикового значения, характеризующегося полным отказом общества удовлетворять свои потребности посредством института, кризис не достиг. Скорее, наоборот, интерес к высшей школе как никогда повысился. Кризисные явления стимулировали дифференциацию вузов, в которой наряду с аутсайдерской группой явно выделилась группа лидирующих университетов, а также группа университетов – «скрытых» лидеров. Вероятно, изменения в последних двух категориях необходимо рассматривать как базу для определения ориентиров развития системы в целом. Решение этой задачи осложняется разнородностью и ситуативностью университетских изменений. Поиск общих ориентиров заставляет обратить внимание на то, что кризис института может усугубляться заостренностью организационного устройства учреждений, его реализующих. Организационное устройство вузов явно отражает институциональные особенности высшей школы, а трансформации этого устройства, в свою очередь, неизбежно ведут к изменениям в отношениях, представлениях и регламентирующей системе высшего образования. Следовательно, одна из важных задач, стоящих перед менеджментом российских высших школ, состоит в анализе и выявлении организационных

изменений или их проектов, приводящих признанные вузы и университеты – «скрытые» лидеры к усилению их жизнеспособности.

1. *Абанкина И. В., Абанкина Т. В., Филатова Л. М., Николаенко Е. А.* Тенденции изменения общественного спроса на высшее образование в современной России // Вопросы образования. 2012. № 3. С. 88–112.

2. Вузы легко имитируют перемены, и главное – что студенты не против. 03.06.2010 [Электрон. ресурс] // Совет ректоров медицинских и фармацевтических вузов России [сайт]. URL: <http://sovetrektorov.ru/smi/2010/030610c/>

3. Высшее профессиональное образование – данные статистики и Мониторинга экономики образования // Вопросы образования. 2011. № 1. С. 172–191.

4. *Гуртов В. А., Бережная Ю. Н.* Ранжирование вузов по критериям возрастной структуры профессорско-преподавательского состава // Спрос и предложение на рынке труда и рынке образовательных услуг в регионах России: сб. докладов по материалам Четвертой Всероссийской научно-практической интернет-конференции (31 октября – 1 ноября 2007 г.). Кн. 1. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007.

5. *Дуглас Дж.* Новый мировой порядок в высшем образовании: как и почему правительства создают структурированные рынки возможностей // Вопросы образования. 2011. № 1. С. 73–98.

6. *Константинов Г. Н., Филонович С. Р.* Комментарий к статье С. Фуллера «В чем уникальность университетов?

Обновление идеала в эпоху предпринимательства» // Вопросы образования. 2005. № 2. С. 77–79.

7. *Куренной В. А.* Бастард модерна. О текущем кризисе университета [Электрон. ресурс] // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3>.

8. *Паульсен Ф.* Немецкие университеты и их историческое развитие. М.: Книжное дело, 1898. [4], VI, 131 с.

9. *Переломов Л. В.* Несколько слов о состоянии вузовской науки в России [Электрон. ресурс]. URL: www.pyssa.net/analytics/perelomov_1.html.

10. Число корпоративных университетов в РФ будет расти, считают эксперты. 18.06.2011. [Электрон. ресурс] // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/economy/20110618/389900771.html#ixzz2RHQRtv2i>.

11. *Роджеро Дж.* Из руин в кризис: об основных трендах в жизни глобального университета [Электрон. ресурс] // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3>.

12. *Сорокин П.* Кризис нашего времени: социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. 384 с.

13. *Фруммин И. Д., Добрякова М. С.* Что заставляет меняться российские вузы: договор о невовлеченности // Вопросы образования. 2012. № 2. С. 159–191.

14. *Фуллер С.* В чем уникальность университетов? Обновление идеала в эпоху предпринимательства // Вопросы образования. 2005. № 2. С. 50–76.

15. *Фурман М.* Вильгельм фон Гумбольдт и Берлинский университет // Вопросы образования. 2010. № 3. С. 32–47.

